

Было слишком тихо. Но Эйгин прошел через парадные ворота до того, как понял это. В этом что-то было. Может быть, это было из-за того, что в воздухе было холодно, несмотря на то, что это была только осень. Может быть, это было из-за отсутствия жизни вокруг, хотя Джеррика никогда не была такой живой. Или, может быть, просто, это была торжественность, которая наполняла глаза каждого человека, которого он прокрадывался мимо. Они все, казалось, знали, что случилось нечто невыразимое, и никогда больше не хотели быть свидетелями чего-то подобного.

Эйгин спряталась в тени одного из туннелей, как девушка, которая была рядом с камерой Рассы шли дожидаться Зарота.

"Достаточно долго", - сказал Зарот.

Молодая женщина, чье лицо носило высокомерие и уверенность, которых не было, когда Эйгин видела ее раньше, просто пожала плечами и улыбнулась соблазнительной улыбкой: "Не могла быть уверена, что одного раза хватит". Кроме того, ему может быть только шестнадцать, но такое тело заслуживает того, чтобы им наслаждались".

Зарот закатил глаза: "Избавь меня от твоих историй". Меня волнует результат, а не процесс".

Молодая женщина улыбнулась: "Я бы удивилась, если бы не была беременна".

Эйгин с отвращением сузила ему глаза, когда она проходила мимо близлежащего охранника в муравьиной маске, которая обычно была на Рассе, затем Эйгин подождала, пока они уйдут. Он хотел отрицать то, что только что услышал, но это была неоспоримая правда.

Рассу изнасиловали. Тщательно. Для женщины это не часто считалось противозаконным, так как она имела более низкий статус. Но для мужчины быть изнасилованным? Это было окончательным осуждением их социального статуса и мужественности. Это было необратимо. Но социальный статус вряд ли был тем, что волновало Эйгина в данный момент. Он видел женщин, которых насиловали раньше, обычно тех, кто называл себя "благородными". Они с этим плохо справлялись.

Эйгин какое-то время стоял в темноте, пока, наконец, не набрался смелости двигаться вперед. Он должен был видеть. Просто, чтобы быть уверенным, он должен был это видеть.

Это было так же плохо, как когда он нашел своего друга, как не более чем труп. Возможно, хуже.

Он все еще был прикован цепью к полу и стенам, только его маска была снята. Он опустился на колени, но казалось, что это все движения, которые ему позволили. Факел горел до последнего пламени, но Эйгин все еще мог видеть достаточно ясно. Глаза, как узнал Эйгин за эти годы, рассказали вам все, что нужно знать о человеке. Их чувства, их желания, их истины и ложь. Но эти глаза, глаза Рассы... они изменились. Это заставило Эгина жалеть, что он никогда не

научился читать их, как он смотрел, не в состоянии отвести глаза. Глаза Расса всегда были темными, но немыслимо, что теперь они были застекленными и бледными, уставившись в ничто. Потерял в том, что Эгин даже не мог надеяться на сущность. Эйгин схватился за прутья, чтобы не упасть на опустошительное зрелище.

Он смотрел, но Расса не двигался. Даже не признал его присутствия. Он не плакал, но этот взгляд тьмы... это было хуже, чем слезы. Хуже, чем плач и плач. В конце концов, Эгин не мог больше терпеть, и его голос треснул во тьме.

"Расса?"

Эйгин проглотил, чтобы прочистить пересохшее горло. Расса не двигался.

"Расса, ты меня слышишь?"

Опять же, никакой реакции. Эйгин опустился на корточки, чтобы быть на одном уровне со своим другом.

"Расса, пожалуйста".

У вампира глаза защемили, но Эйгин не нашел утешения в его взгляде. Нет уверенности, что он был в порядке. Не было ничего, кроме глубокой боли и невообразимой ярости. Расса никогда раньше так на него не смотрел, и Эйгин удивленно выпустил решетку.

"Расса?"

Вампир наклонил голову в сторону, его взгляд хищный, как его глаза сузились.

"Ты опоздал".

Эйгин не мог удержаться от удушья, которое оставило его губы в таком темном, бесчувственном тоне. Он ничего не сказал, просто ждал в темноте, чтобы Расса продолжал. Чтобы что-то сказать.

"Вот почему ты пришел на этот раз, не так ли? Ты наконец-то задал вопросы... ты просто задал их слишком поздно".

"Прости, Расса I..."

"Простите?" Расса посмеялся: "Это не твоя вина. По крайней мере, так говорит мне моя

голова".

Его насмешливая улыбка упала, и его лицо вернулось на ту безвыразительную дистанцию, когда его взгляд повернулся обратно на пол: "Но другая часть говорит мне, что опоздав, ты предал все формы доверия, которые у меня были в тебе". Я думаю, что вы, люди, называете эту часть сердцем".

Эйгин почувствовал, как слезы катились по его щекам, и вытер их, когда он стоял. По крайней мере, он никогда не был близок ни с кем, по крайней мере, так он думал. Но, увидев Рассу таким, он понял, насколько он ценит Рассу по сравнению со всеми остальными. Это была не просто преданность. Каким-то образом, не зная об этом, Эйгин стала считать Рассу другом. Которого он бы не бросил, "Я вытащу тебя". I-

"Не утруждайся", - вмешался Расса, - "Ты был бесполезен мне до сих пор, какая от тебя польза сейчас?"

Эйгин нахмурилась: "Я же обещала тебе, не так ли?"

"Ты обещал убить меня, как только я выйду. Или это было не для того, чтобы убить меня? Почему это было снова? Потому что я хорошо разбирался в людях?" Расса сорвался: "Посмотрим, куда это привело меня с тобой".

Эйгин знала, что это была боль, но все равно было больно. Больно видеть, что единственный друг, которого он когда-либо заставлял обращаться с ним, как с каким-то соучастником в его самый темный час.

"Так ты предпочитаешь остаться здесь?" Эйгин спросила.

Расса тянул за цепи, и по тихим коридорам пронесся звук звонкого металла: "Просто иди, Эйгин".

"Что?" спросил Эйгин, нахмурившись.

"Уходи", - сказал Расса, - "Я не хочу тебя больше видеть". Если я хочу... ты встретишь ту же судьбу, что и все, кто предал и использовал меня".

Эйгин стояла на месте, готовая бросить вызов тому сломанному тону, который принял Расса. Если это было то, что дружба была, что это было на самом деле, это не то, что Эйгин хотел бы отказаться, "Нет".

"ЛЕЙВ!" Расса закричал.

Это было так внезапно и так страшно, что Эйгин отошел на несколько шагов назад от баров. Он нахмурился. Каким же он был Убийцей? Он был жалок. Позволял прикованному человеку так напугать его. Эйгин отвернулся. Даже если у него не было желания бросать Рассу, теперь он ничего не мог поделать. Не в этот момент. У него не было ни навыков, ни силы, чтобы вырвать своего друга, и оказалось, что даже если бы он сделал усилие, Расса не был в правильном настроении, чтобы уйти.

"Ты увидишь меня снова, - обещал Эйгин, - и в следующий раз я не уйду, даже когда ты будешь кричать на меня".

Тогда тень Эйгина снова исчезла.

Расса мог чувствовать только ярость. Только боль. Он не обращал внимания ни на Эйгина, ни на кого-либо другого. Теперь он желал только одного. Настолько, что он даже не удосужился считать дни. Он просто кормил и отбивался от них клыками, когда они пытались сделать то, что у них было с ним снова. Они больше никогда не выпускали его из цепей, ни тогда, когда он становился воплощением всех их кошмаров.

<http://tl.rulate.ru/book/35396/925869>